

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Н. М. Кейзеров, Г. В. Мальцев

СОВРЕМЕННЫЕ БУРЖУАЗНЫЕ ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

В современных условиях обострилось противоборство двух идеологий на международной арене. В документах и материалах XXIV съезда КПСС¹, решениях апрельского и декабрьского (1973 г.) Пленумов ЦК КПСС, Постановлениях ЦК КПСС по идеологическим вопросам перед общественными науками поставлена задача усиления непримиримой наступательной борьбы против буржуазной ревизионистской идеологии.

Противоборство двух мировоззрений охватывает весь мир, все основные области общественной жизни: экономику, политику, идеологию, культуру. Большую остроту в настоящее время приобретает идеологическая борьба в сфере общественных наук, в том числе и по вопросам происхождения человеческого общества; особенно много споров возникло вокруг комплексной научной проблемы — происхождения политической организации.

Обращаясь к критическому анализу современных буржуазных теорий генезиса политической власти, следует подчеркнуть, что в этой области ныне весьма активизировались представители различных областей буржуазной общественной науки: исторической, социологической, философской, юридической, этнографической и т. д.

В процессе дифференциации буржуазного обществоведения усиливается интерес к проблемам первобытности. В этом отношении примечательна политическая антропология, претендующая на исследование происхождения и функционирования политических институтов.

Вместе с тем, нельзя не обратить внимание на то, что некоторые антропологи на Западе до сих пор отрицают необходимость исторического подхода к общественным явлениям. Например, в Англии последователи А. Рэдклиф-Брауна склонны утверждать относительную иррелевантность прошлого для настоящего². Общество, согласно их точке зрения, можно понять, лишь изучая его нынешнюю структуру, выясняя характер связи между частями этой структуры, функции институтов, действующих в целях интеграции общества и т. д. Подобный отрыв структурно-функционального анализа от исторического, как показывает опыт англо-американской этнографии, приводит к утрате критерия социального прогресса в оценке отдельных обществ и политических институтов. В итоге оказывается, что нет народов передовых и отсталых, а просто есть народы с разными культурами. Все существующие в рамках одной

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 205.

² «History and social anthropology», N. Y., 1968, p. XII—XIII.

исторической эпохи политические организации трактуются сугубо позитивистски, как равноценные. В свое время К. Маркс, критикуя Г. Гуго, основателя немецкой исторической школы права, резко осудил такой псевдонаучный объективизм³.

Смысл исторического монизма, утверждаемого марксистско-ленинской теорией, состоит в том, что человеческую историю во всем ее бесконечном многообразии можно представить себе как закономерное единство, позволяющее применить к каждой общественно-экономической формации, к любой эпохе научные критерии социального прогресса, в основе которого лежит степень освобождения человека и общества от стихийного и неконтролируемого действия природных и социальных законов. Даже в рамках единой эпохи отдельные синхронно существующие элементы исторического процесса, оцененные по данному критерию и масштабу, могут оказаться весьма неравноценными. Возможно, что одни компоненты общественной системы, действительно, развились и ушли вперед (собственно прогресс), другие — затормозились, законсервировались в определенном состоянии (стагнация), третьи — деградировали или совершили движение вспять, к отсталым формам и процессам (регресс) и т. д. Противоречие между современной технологией и политическими структурами нынешнего капитализма ярко показывает, насколько вопиюще неравноценными могут стать отдельные элементы развивающейся общественной системы. Сугубо дифференцированная в этом смысле оценка разновременных факторов исторического процесса, явлений, последовательно сменяющих друг друга и образующих линии мировой истории, — эпох, общественно-экономических формаций, культур и т. д. В качестве доминирующей тенденции, общего вектора движения истории прогресс существовал всегда, определяя известную последовательность и дистанцию между указанными явлениями, характеризуя их по отношению друг к другу как передовые или отсталые, развитые или примитивные, новые или устаревшие. В конечном счете историческое значение отдельных формаций, эпох, культур может быть полностью осмыслено лишь в сравнении и на основе единого критерия социального прогресса, в общем контексте мировой истории.

Системное и сравнительно-историческое исследование культур обнаруживает довольно широкий диапазон различий между ними, выражающих неодинаковость, специфичность и вместе с тем их неравноценность с точки зрения общечеловеческого прогресса. Империалистические страны, используя определенные преимущества, долгое время проводили колониальную политику угнетения народов, отставших в своем развитии, насаждали великодержавные порядки в мире, тормозили исторический процесс. Они до сих пор не отказываются от методов колониализма там, где есть малейшая возможность их применять. Возникновение социалистической общественной системы привело к утверждению нового типа отношений к отсталым народам, который получил широкую поддержку со стороны демократических сил во всем мире. Поскольку «уровни культуры народов и различия между ними — весьма изменчивы»⁴, каждый народ в принципе способен и должен иметь возможность ликвидировать свою отсталость, выйти на новые, передовые рубежи развития. При этом он может использовать не только технологические и иные достижения более развитых культур, но, что более важно, известные современному человечеству общественные законы, обеспечивающие сравнительно быстрое продвижение вперед. Народам, освободившимся от колониальной зависимости, социализм дает возможность совершить рывок к социальному прогрессу.

Для многих представителей современной буржуазной антропологии главным является то, что культура существует, действует, интегрирует

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 87.

⁴ «Основы этнографии», М., 1968, стр. 6.

(неважно, каким образом!) общественную систему, и этого достаточно, чтобы признать ее абсолютно равноценной всем другим одновременно развивающимся в мире культурам. Этот прием типичен для сторонников так называемого культурного релятивизма. «Отрицание идеи прогресса и поступательности в истории человечества „культурные“ релятивисты оправдывали невозможностью суждений о том, что является прогрессивным. Все относительно: то, что прогрессивно для одних, может быть регрессом для других. История понималась как количественные изменения в рамках уникальной традиции. Человеческое общество в целом понималось как сумма уникальных культур и цивилизаций»⁵.

Подобные теоретики часто делают вид, будто они внушают «примитивным» народам гордость за свою культуру, тогда как на самом деле они фактически стремятся лишить их стимула к прогрессивному развитию, к восприятию передовых форм общественной жизни, в особенности тех, которые открыл миру социализм.

В последнее время социальная антропология на Западе стала модной и авторитетной наукой и в этом не последнюю роль сыграло, по видимому, то обстоятельство, что ее теории все чаще используются в современной идеологической борьбе для блокирования и нейтрализации влияния социалистических идей и институтов в развивающихся странах Африки, Азии и Латинской Америки. Абсолютизация и восхваление «примитивных» общественных и политических форм становится одним из идеологических приемов, с помощью которого империализм «оказывает поддержку реакционным кругам, тормозит ликвидацию отсталых социальных структур и стремится затруднить развитие по пути к социализму или по прогрессивному, некапиталистическому пути, открывающему социалистическую перспективу»⁶.

Данная идеологическая направленность современной политической антропологии и других социальных наук отражается различным образом в трактовке проблемы генезиса политической власти в обществе. Идеологи буржуазии пытаются поставить под сомнение марксистско-ленинскую теорию происхождения политической организации общества. Примечательно, что если некоторое время тому назад буржуазные специалисты по первобытной истории почти не выходили за рамки академических журналов и изданий, имеющих сравнительно узкий круг читателей, то сейчас положение существенно изменилось. Стали практиковаться выступления, ориентированные на массовую аудиторию. Например, в известной французской буржуазной газете «Монд» была опубликована статья Ж. Лапужа, в которой он говорит о том, что среди известной части буржуазных специалистов распространено мнение о неприменимости марксистской методологии к изучению первобытного общества; в то же время Лапуж признает, что исторический материализм как метод исследования общественных явлений доказал свою плодотворность и правильность применительно к изучению капиталистической формации классового общества⁷. Подобные попытки поставить под сомнение исторический материализм не содержат ничего нового, они делались и раньше. Новизна состоит в известном смещении акцентов. Если раньше идеологи буржуазии вообще отрицали применимость марксистской методологии к анализу общественных явлений, то теперь делаются реверансы в сторону марксизма, подчеркивается плодотворность диалектико-материалистического метода в изучении капитали-

⁵ Ю. П. Петрова-Аверкиева, Неозволюционизм и релятивизм в современной этнографии, Доклад на VII Международном социологическом конгрессе, М., 1970, стр. 6.

⁶ «Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы», М., 1970, стр. 287.

⁷ G. Lapouge, Marx chez les couros. Le marxisme devant les sociétés primitives d'Emmanuel Terray, «Le Monde». 12.VII.1969, p. 6.

стической формации, ее отдельных этапов (например, первоначального накопления и некоторых других), за исключением современного этапа развития капитализма, и — как это ни парадоксально — первобытнообщинного строя.

Известный французский политолог М. Дюверже, признавая заслугу марксизма в интерпретации политической власти под углом зрения классовой борьбы, в то же время отвергает марксистско-ленинскую трактовку происхождения политической организации человеческого общества⁸.

Чем объяснить противоречивость и непоследовательность такой позиции? На наш взгляд, весьма важной причиной является ставшая уже традицией в буржуазной науке идеалистическая и антиисторическая интерпретация происхождения политической организации общества. Эта традиция игнорирует социально-экономические и классовые критерии и опирается на широко распространенную фальсификацию первобытной истории в буржуазной науке, о которой говорил К. Маркс: «... читая истории первобытных общин, написанные буржуазными авторами, нужно быть настороже. Они не останавливаются даже перед подлогами»⁹.

Буржуазные теории происхождения политической власти выполняют идеологическую функцию апологетической защиты существующего при капитализме политического строя. Например, из усиленно прокламируемой буржуазными учеными идеи извечности политической организации следуют далеко идущие практические выводы.

Следует, однако, подчеркнуть, что в произведениях основоположника французской политической социологии Ш. Монтескье содержался исторический подход к пониманию процесса возникновения власти. Он писал, критикуя внеисторизм Гоббса: «Гоббс неправ, когда приписывает первобытным людям желание властвовать друг над другом. Идея власти, господства настолько сложна и зависит от такого множества других идей, что она не может быть первой во времени идеей человека»¹⁰. Но современная буржуазная социология сделала шаг назад от подобных элементов исторического, рационалистического подхода к анализу политической власти, антиисторическая традиция взяла верх. Антиисторический подход способствует созданию своеобразного психологического отношения к политическим учреждениям как к чему-то незбылемому. Политическая власть в буржуазном обществе представляется в этом случае своего рода реликвией, освященной древностью происхождения, а посягательство на нее рассматривается как подрыв вековых устоев человеческого общежития. Кроме того, изображение политических учреждений как существующих вечно дает возможность уйти от вопроса о причинах их возникновения, игнорирует роль классовой борьбы в их генезисе.

Философские истоки взглядов современных буржуазных социологов на политическую власть коренятся в неопозитивистском отождествлении биологических закономерностей с социальными, при котором политическая организация и власть трактуются как универсальные явления, присущие в одинаковой степени животному миру и человеческому обществу. Успешное развитие сравнительно новых отраслей современного естествознания — генетики, молекулярной биологии и в особенности этологии (науки о поведении животных) — в значительной мере стимулировало тягу представителей современной буржуазной политической

⁸ M. Duvérger, *Introduction à la politique*, Paris, 1964, p. 32—40.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 19, стр. 463. В то же время К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали элементы исторического подхода к анализу политической организации у идеологов буржуазной революции.

¹⁰ Ш. Монтескье, *Избранные произведения*, М., 1965, стр. 166.

науки к использованию биологических данных для объяснения сущности и происхождения политики и ее институтов.

В буржуазной политологии, так же как и в этнографии, биологизм не представляет собой отдельной теории или четко выделившегося методологического направления. За ним стоит скорее всего усиливающаяся склонность политологов чаще и шире привлекать материалы и выводы современного естествознания для анализа политических проблем. Этот процесс сам по себе закономерен, но он сплошь и рядом сопровождается попытками ошибочной трактовки соотношения биологического и социального. Ныне все чаще появляются политические теории, основанные на биологическом эволюционизме; на представлении о человеке как существе, деятельность которого направляется прежде всего врожденными инстинктами, психологическими и физиологическими реакциями. Говорят о том, что политическая наука должна быть создана заново как биополитика и предлагают отказаться от концептуальных схем и методов естественных наук, требующих поисков фундаментальных закономерностей мира и обобщения эмпирических наблюдений. Вместо них-де следует применять биологические схемы, фиксирующие во времени результаты длительного эволюционного процесса. Новая биополитика должна рассматривать человека главным образом в качестве биологического организма, каким он стал в процессе биологической и культурной эволюции¹¹. В другом случае предлагают некую эволюционную политическую этику, для которой выживание вида есть конечная норма, а политика выступает как адаптивный процесс коллективного выживания¹².

Уже упоминавшийся французский политолог М. Дюверже считает, что большое значение биологическим факторам в политической жизни придают сторонники двух направлений: «социального дарвинизма» и всевозможных расистских концепций, которые берут на вооружение теоретики фашизма и неофашизма — ожесточенные противники нормализации международных отношений и разрядки напряженности. Однако, отвергая расистские идеи о естественной предназначенности одной расы подавлять другую, Дюверже считает, что нельзя отрицать биологическую основу политики. Изучение общества животных, согласно его точке зрения, показывает, что и здесь проявляется политическая организация власти. Следовательно, она возникает раньше человека. Дюверже предлагает поэтому расширительно толковать формулу Аристотеля о человеке как «животном политическом»¹³.

Бывший сотрудник З. Фрейда, американский психиатр Р. Уэлдер, развивая подобные взгляды на организацию «власти» в сообществах животных, предлагает различать статусы господствующих и лидирующих особей. И тот и другой связаны с определенными привилегиями в смысле доступа к пище, самкам, с возможностью без риска для себя нападать на других животных. Но различие между лидером и господствующими особями обнаруживается, например, в случае опасности для стада. Господствующее животное может уходить первым. Здесь происходит, замечает Р. Уэлдер, примерно то же, что во время гибели «Титаника», когда спасли, как известно, больше мужчин из первого класса, чем детей из третьего. Лидер же уходит последним, он рискует собой ради сохранения стада. Установив подобным образом наличие в сообществе высших животных «политических» институтов лидерства, привилегии, ответственности и т. д., Р. Уэлдер обобщает: «Иерархия среди

¹¹ T. Thorson, Biopolitics, N. Y., 1970, p. 3, 82—83; F. Willhoite, Ethology and the tradition of political thought, «The Journal of Politics», 1971, vol. 33, № 3.

¹² P. Corning, The biological bases of behavior and their implications for political theory, N. Y., 1969, p. 60—68.

¹³ M. Duvérger, Указ. раб., стр. 32.

людей проявляется таким же способом, хотя, конечно, с гораздо большими вариациями и сложностями»¹⁴.

М. Дюверже предлагает различать «социально-политические институты» в обществах насекомых (пчелиный улей, муравейник, термитник) и у высших позвоночных, где политические учреждения образуют определенную систему доминирования, воплощенную в руководителе (вожак стаи птиц, стада слонов, кабанов, оленей и т. д.). «Власть» в таких образованиях основывается на чисто физиологических факторах. М. Дюверже использует для аргументации своих положений материалы о жизни животных, содержащиеся в трудах М. Сира, А. Пьерона, и др.¹⁵.

М. Дюверже считает также, что иерархия в мире животных доставляет вожакам существенные преимущества в рамках биологических объединений, напоминающие в этом отношении те, которые политическая власть дает человеку в обществе. В то же время он отмечает существенные различия между человеческим обществом и миром животных, что требует осторожности в проведении аналогии между ними. Отношения граждан к политической власти, по мнению Дюверже, строятся по схеме «дети — родители», порождающей многочисленные патерналистические метафоры вроде «король — отец подданных», «государыня-матушка», «полковник — отец солдатам» и т. д. Например, Б. де Жувенель, рассматривая вопрос о происхождении власти, анализирует концепцию, согласно которой власть отца является первой формой власти, осуществляемой в рамках семьи над домочадцами и в более широком плане, когда отцы семейств образуют совет общины¹⁶.

Остановимся на некоторых концептуальных и методологических аспектах биологизации проблемы происхождения власти в человеческом обществе. Современные политологи довольно часто ссылаются на концепцию, предложенную видным современным биологом К. Лоренцом, согласно которой человеческое поведение обеспечивается и мотивируется прямо или косвенно спонтанными инстинктами, идентичными с инстинктами животных. Рассматривая исторический генезис власти среди людей, некоторые ученые придают особое значение отмеченной К. Лоренцем связи между «агрессивным» и «территориальным» инстинктами. Агрессия, по его определению, есть инстинкт животных и человека, направленный против особей того же вида. К. Лоренц высказывает мнение, что территория — предмет борьбы внутри вида, а распределение животных на обитаемом пространстве — наиболее важная функция внутривидовой агрессии¹⁷. Этот так называемый «территориальный императив» и врожденную агрессивность буржуазные идеологи нередко изображают в качестве основных факторов политики, видят в них ключ к пониманию всей социальной и политической истории¹⁸. Биологическая схема используется для фальсификации истории, обосновывает попытки представить человека как изначально «агрессивное существо». Подобные взгляды встречают возражения со стороны ряда буржуазных социологов. Один из них отмечает, в частности, что концепция Лоренца «имеет много общего с предположением, которое доминировало в западной политической мысли, от греков до шестнадцатого столетия, будто существует неизменная и вечная природа человека...»¹⁹. Многие и в самом деле свидетельствуют о том, что западная политиче-

¹⁴ R. Waelder, The concept of justice and the quest for an absolutely just society, *The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Sciences*, 1966, vol. 57, № 1, p. 4.

¹⁵ M. Sire, *La vie sociale des animaux*, Paris, 1960; H. Piéron, *Psychologie zoologique*, Paris, 1941.

¹⁶ B. de Jouvenel, *Du pouvoir*, Paris, 1947, p. 86—92.

¹⁷ K. Lorenz, *On aggression*, N. Y.—Toronto—London, 1969, p. IX, 35.

¹⁸ R. Ardrey, *The territorial imperative*, London, 1967, p. 103.

¹⁹ F. Willhoite, Указ. раб., стр. 623.

ская мысль стоит ныне перед перспективой нового возрождения естественного права, современную модель которой пытаются, как правило, строить на основе биологических эволюционных теорий.

Политические проблемы, рассматриваемые в свете биологической эволюции и с применением ее масштабов времени, так или иначе утрачивают исторический характер. У биолога, имеющего дело с эволюцией видов на протяжении многих миллионов лет, с очень медленными и незаметными для многих поколений людей изменениями, совершенно иное ощущение времени, чем у историка. Для него современный человек мало чем отличается от своего дикого предка, а нынешняя культура — от культуры первобытной. «Мы не должны забывать, — пишет английский биолог Дж. Хаксли, — что человек чрезвычайно юн. Он юн не только в том смысле, что тысячелетия на шкале эволюционного времени — небольшой срок, но и в том смысле, что он еще очень несовершенен, и такова вся человеческая культура, включая европейскую»²⁰. Другой биолог, Д. Моррис, в книге, многозначительно озаглавленной «Человеческий зоопарк», как бы продолжая эту мысль, утверждает, что современные политики, администраторы и другие облеченные властью лица должны стать хорошими биологами. Человечество, говорит он, сможет выжить, если достаточно ясно поймет, что человек есть животное, примитивный охотник племени, под маской цивилизованного человека борющийся за свои древние, наследственные качества в новой чрезвычайной ситуации²¹.

Необходимо указать, что буржуазные теории, в которых политические явления рассматриваются как атрибут животного мира, имеют существенный методологический порок, который заключается прежде всего в том, что для характеристики отношений политической власти приводятся признаки, ровно ничего не дающие для понимания специфики власти как особого исторически обусловленного общественного явления.

В какой-то мере доминирование биологического было присуще первичным объединениям людей. Во всяком случае «первобытное стадо» — переходная форма от чисто зоологического объединения предгминид к обществу людей, как отмечалось в советской литературе, может быть охарактеризовано в качестве биосоциального образования²². Уже в «первобытном стаде», отмечал В. И. Ленин, был преодолён «зоологический индивидуализм». Большинство советских этнографов согласны с точкой зрения, что существовало несколько этапов в становлении первобытного коллектива людей как социального²³. «Характеризуя племя как социальный организм первобытности, — пишет Ю. В. Бромлей, — следует особо подчеркнуть, что его целостность в значительной мере обеспечивалась определенными органами власти. Но эта власть еще не имела политического характера»²⁴. Власть в институционализированной форме (в данном случае представленная в особых органах и лицах, а следовательно, в специфических функциях и нормах реализации и т. д.) есть, стало быть, продукт довольно зрелой стадии исторической социализации человека, когда господство неподконтрольных или слабо контролируемых зоологических инстинктов ушло в прошлое. Политический характер власти приобретает в результате качественного изменения характера общественных отношений, причем данный процесс становится наиболее заметным в эпоху зарождения общественных классов. Появление крупных социально-политических общностей людей (госу-

²⁰ J. Huxley, *The human crisis*, Washington, 1963, p. 19—20.

²¹ D. Morris, *The human zoo*, N. Y.—San-Francisco, 1969, p. 248.

²² Ю. И. Семенов, Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки, «Вопросы истории», 1966, № 8, стр. 94.

²³ «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса», М., 1972, стр. 16—24; Ю. В. Бромлей, *Этнос и этнография*, М., 1973, стр. 15.

²⁴ Ю. В. Бромлей, *Указ. раб.*, стр. 15.

дарств) совпадает со временем вступления человечества в историю классовых формаций. Очевидно, что закономерности, лежащие в основе социального развития и происхождения политики, существенно отличаются от биологических законов развития человека как вида и в особенности законов, которым подчиняется жизнь его организма. В свое время, подвергая критике так называемую органическую теорию политического строя, К. Маркс писал: «... не существует такого моста, который от общей идеи организма вел бы к определенной идее государственного организма, или политического строя, и этот мост никогда нельзя будет перекинуть»²⁵.

В буржуазной социологии существуют различные точки зрения по частным вопросам возникновения политической организации. Французский ученый А. Кювийе, перечисляя типы политической организации, в качестве первого из них называет «клан, или род, существовавший в первобытном обществе»²⁶. Из его концепции следует, что политика сопутствует человечеству с первых шагов его истории. «Политическими отношениями,— пишут английские авторы,—являются те, в которых лица и группы осуществляют власть или авторитет для поддержания социального порядка в пределах одной территории»²⁷. Поскольку такой порядок существует, очевидно, уже в стаде предгоминид, постольку, считают они, можно говорить об изначальном характере политики в жизни человечества. Однако некоторые представители буржуазной науки понимают, что сегодня нелепо отрицать идею развития общественных учреждений и поэтому предлагают несколько иное решение проблемы. По утверждению современных последователей Э. Дюркгейма, например, Ж. Гурвича и др., правовые и политические явления существовали, хотя и в неразвитой форме, в качестве составных компонентов других общественных явлений, уже на ранних стадиях первобытного общества. Подобная позиция создает лишь видимость исторического подхода, ибо применительно к родовому строю, каким он был в эпоху своего расцвета, ни о политической власти, ни о праве вообще говорить нельзя. Не исключено, однако, что в период интенсивного разложения этого строя и формирования раннеклассовых отношений могли возникать и действительно возникали древнейшие формы некоторых политических и правовых институтов, активно способствовавших процессу классообразования.

В концепции французского правоведа Л. Дюги политические категории произвольно и неправомерно перенесены на доклассовое общество. Политическая власть, по мнению Л. Дюги, всегда и повсюду носит один и тот же характер: в примитивном состоянии, в орде, где она принадлежит вождю или группе стариков, или в общине, где она принадлежит главам семейств, или в больших современных странах, где она принадлежит более или менее сложной совокупности лиц или групп — князей, регентов, королей, императоров, парламентов и т. д. Отсюда Л. Дюги делает вывод, что природа политической власти всегда неизменна, есть разница лишь в степени ее проявления²⁸. Модификации концепции Л. Дюги воспроизводятся в трудах современных буржуазных социологов, причем некоторые из них прямо указывают на первоисточник, породивший их теорий.

По мнению французского политолога Ж. Фрейнда, политика есть неотъемлемый атрибут человеческого существа как такового; не может быть такого состояния общества, которое было бы неполитическим или предшествовало бы политической организации. Обычно сторонники

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 232.

²⁶ A. Cuvillier, Manuel de sociologie, vol. 2, Paris, 1960, p. 603.

²⁷ «Studies in African segmentary systems», London, 1956, p. 1.

²⁸ Л. Дюги, Конституционное право. Общая теория государства, М., 1908, стр. 24—25.

взглядов об изначальности, вечности политических явлений предпочитают не упоминать о существовании этнографического и исторического материала, опровергающего их умозрительные построения. В отличие от них Ж. Фрейнд ставит под сомнение исторические, в том числе этнографические и археологические, данные о сравнительно позднем возникновении политических учреждений, рассматривает существование мавзолеев и захоронений вождей как аргумент в пользу своей точки зрения²⁹, хотя, как известно, памятники и ритуалы, связанные с институтом политической власти, относятся к поздним этапам распада первобытного общества, когда возникла частная собственность и начался раскол общества на классы.

Взгляд Ж. Фрейнда страдает полной бездоказательностью. То же можно сказать о проводимых им аналогиях между семьей и политической организацией. Семья рассматривается им как прототип и элементарная модель политической структуры (триада: «Отец—вождь, мать—министр, дети — подданные»).

Своеобразную теорию происхождения и развития политической власти в социальной группе выдвигает американский автор Л. Тайгер.

По его мнению, в любом обществе, будь то древнее или современное, власть — это доминирование социально активной группы мужчин (мужского союза). Опираясь на данные и выводы современной социальной антропологии, Л. Тайгер пытается в то же время использовать данные биологических наук, в особенности этологии. Он принимает, например, тезис об изначальности «территориального императива» и переносит этот принцип в область политики. Основная функция политики, по Тайгеру, — поддержание порядка и права в границах территории группы. Территория — это арена, на которой действует право, а право представляет собой накопление принятых решений и традиций господствующих мужчин³⁰. Л. Тайгер считает доказанным, что в центре политических групп, занимающих определенную территорию, находится иерархия взрослых, обычно старших, мужчин³¹. Политические, как и всякие культурные формы, всегда выражают «генетически запрограммированные поведенческие склонности». Женщины всех возрастов и не достигшие зрелости мужчины находятся в подчинении у взрослых мужчин, которые защищают их, когда кто-либо нападает на группу, и укрепляют социальный порядок в случае внутренних возмущений. Взрослые мужчины либо сами определяют направление групповой реакции на возникающие трудности, либо присоединяются к тем индивидам, которые уже имеют план действий и широкую поддержку, необходимую для его осуществления. Таким образом, не только политическая власть (проблема лидеров и последователей), но и весь политический порядок в группе — это в основном мужское дело. Войны и агрессия, «уточняет» Л. Тайгер, — это не человеческая, но мужская проблема³².

Следуя своей основной концепции, Л. Тайгер много внимания уделяет проблеме мужских (военных и др.) союзов в древних обществах. В их положении он видит проявление извечной «генетической запрограммированности» особого статуса взрослых мужчин в человеческой группе, в их власти — естественную политическую власть, отвечающую врожденным поведенческим склонностям людей. В действительности, эти довольно распространенные и пока недостаточно изученные институты древности имели прежде всего социальные корни. Они не были изначальными органами власти группы, а многие общества вообще не имели особых мужских, военных, закрытых для непосвященных организаций. Там, где они имелись, их возникновение и функционирование можно оп-

²⁹ J. Freund, *L'essence du politique*, Paris, 1965, p. 25—49.

³⁰ L. Tiger, *Men in groups*, London, 1970, p. 60.

³¹ Там же, стр. 62.

³² Там же, стр. 84.

ределенно связать с началом социальной дифференциации первоначально гомогенного первобытного коллектива. В некоторых случаях мужские союзы противопоставляли себя родовым органам и вождям, системе традиционных обычаев и порядков. «В эпоху разложения первобытного общества тайные общества являются по существу зародышевыми органами власти аристократической верхушки, оружием, с помощью которого достигалось ею господство и угнетение рядовых общинников»³³. В Африке членство в «тайном обществе Поро» у менде или «тайном обществе Огбони» у йоруба давало мужчине большую власть над соплеменниками, возможность действовать в одних случаях как «полицейский», в других — как «судья» и т. д.³⁴. Именно мужские союзы чаще всего были органами, задачей которых было поддержание общественного порядка в целях господства над массой простых членов общества.

Заслуживают критического рассмотрения теории, в которых делается попытка проследить развитие политических явлений от элементарных форм к более сложным. Такова, например, доктрина известного французского юриста Ж. Бурдо, который говорит о переходе от предгосударственных, коллективных форм власти к государственным под влиянием объективных и субъективных факторов³⁵.

Ж. Бурдо считает, что наличие власти коллектива препятствует социальному прогрессу самой группы, подавляет ее инициативу и поэтому руководитель группы должен «вылечить власть» от паралича безличности; нельзя смешивать власть с тем, кто ее осуществляет. Индивидуализация власти — это концентрация и воплощение права в одном руководителе или в руководящем меньшинстве. Первобытное общество, по мнению Бурдо, вышло из состояния оцепенения только тогда, когда вместо власти коллектива, первобытной демократии, возникла единоличная власть вождя³⁶.

Ж. Бурдо учитывает новейшие бесспорные данные этнографии и истории, свидетельствующие о том, что в отдаленные времена не существовало политической классовой дифференциации внутри человеческой группы, не было государства, но дает этим фактам идеалистическую интерпретацию. По его мнению, возникновение власти детерминировано «идеей права». В архаическую эпоху, утверждает Ж. Бурдо, существовал агрегат человеческих существ, в котором власть не была индивидуализирована, не существовало ее дифференциации, а в некоторых племенах, как отмечают исследователи, непосредственно наблюдавшие их быт, вообще отсутствовали руководители³⁷. Это позволяет, по мнению Ж. Бурдо, выделить догосударственные формы, так называемые безличные, или анонимные формы власти. Такая власть рассеяна в массе индивидов: обычаи, верования, групповые представления навязываются обществом индивиду непосредственно.

Держит власть и осуществляет ее в этом случае сама группа. Распределение власти в группе препятствует социальному прогрессу, поэтому она концентрируется в руках вождя в интересах общего блага и обеспечения правопорядка. Это, утверждает Ж. Бурдо, является предпосылкой интенсификации жизненного ритма группы. Впоследствии личная власть воплощается в государственных институтах. В этих положениях превратно интерпретируются не только причины происхождения власти, но и ее социальная сущность. Суммируя отмеченные в марксистско-ленинской науке признаки власти, необходимо отметить, что

³³ А. М. Хазанов, Ф. Энгельс и некоторые проблемы классообразования, в кн. «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса», М., 1970, стр. 155.

³⁴ T. O. Ellis, *The nature of African customary law*, London, 1956, p. 97.

³⁵ J. Burdeau, *Droit constitutionnel et institutions politiques*, Paris, 1966, p. 15.

³⁶ J. Burdeau, *Traité de science politique. Pouvoir politique*, Paris, 1966.

³⁷ B. Spencer, F. Gillen, *The northern tribes of Central Australia*, London, 1903, p. 21.

власть есть присущее обществу и определяемое его базисом волевое отношение между людьми (а в классовом обществе — между классами). Применение ее носителем особой системы средств и методов обеспечивает выявление и доминирование властной воли через общественные организации в целях управления и обеспечения соблюдения социальных норм³⁸. Политическая власть — особая разновидность власти в классовом антагонистическом обществе — выражается в политическом господстве одного класса.

Известный французский философ-идеалист А. Бергсон выдвинул своеобразную концепцию происхождения власти. Он считает, что власть вождя в первобытном обществе ничем не ограничена, она существует с согласия членов общества, которым свойственен своеобразный инстинкт «повиновения». Первопричина власти — потребность быть руководимым, которую испытывают люди и на основе которой вырабатывается привычка к повиновению, оказывающая давление на их волю³⁹.

В буржуазной социологии весьма широкое хождение имеет теория религиозного происхождения власти, сакрализация которой начинается уже в неолите и продолжается на следующих этапах. Очевидный факт подчинения индивида общественным установлениям буржуазная социология объясняет влиянием религии⁴⁰.

Марксистско-ленинская теория, как известно, исходит из того, что в условиях первобытнообщинного строя, действительно имеет место подчинение индивида правилам общежития; существуют органы управления. Однако ввиду отсутствия антагонистических классов в этот период нет необходимости в институтах систематического государственного принуждения. Ф. Энгельс отмечал добровольное и сознательное выполнение правил общежития членами родовой общины, высокий авторитет их органов управления⁴¹. И если буржуазная наука оказывается неспособной установить тот исторический рубеж, где рождается государство и появляются правовые нормы, то для марксистской науки этот рубеж четко определен разделением общества на классы эксплуататоров и эксплуатируемых.

В буржуазной правовой науке существует тенденция объяснять сложный процесс возникновения государства и права теми или иными человеческими качествами, рассматривать его через призму отдельной человеческой личности. Так, Ж. Гурвич полагает, что функции руководителя первоначально были очень неотчетливыми, он предводительствовал только на войне. Но постепенно личность вождя стала центром, вокруг которого вращалась вся общественная жизнь. Ж. Гурвич считает, что уже на заре человечества существовала юридическая регламентация поведения, связывающая права с обязанностями, однако право теснее, чем когда-либо, было связано с религией и моралью⁴².

Ж. Гурвич пытается выработать типологические признаки так называемого «традиционного общества», одним из важнейших признаков которого он считает систему социальных норм, где мораль, традиции и право в сочетании с магией занимают одинаковое место⁴³.

Ж. Гурвич выделяет ряд признаков, действительно характерных для государственной общественной организации, однако он недопустимо смешивает явления, присущие разным эпохам и ступеням общественного

³⁸ Н. М. Кейзеров, Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий, М., 1974, стр. 16.

³⁹ H. Bergson, Les deux sources de la morale et de la religion, Paris, 1937, p. 299—300.

⁴⁰ J. Moreau, G. Dupuis, J. Georgel, Element de sociologie politique, Paris, 1966, p. 12; «Le pouvoir et le sacre», Paris, 1962.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 171.

⁴² G. Gurvitch, Déterminismes sociaux et liberté humaine, Paris, 1963, p. 226—227.

⁴³ Там же, стр. 233.

развития. Он подводит под рубрику «традиционного» общественный строй различных по уровню развития народов Латинской Америки, Африки, Азии и др. Такой подход противоречит принципу историзма.

Французский социолог Ж. Кардые отмечает отличие юридических и политических институтов в историческом плане, ибо право есть в любом обществе, в то время как далеко не каждое общество приходит к политической дифференциации и образованию государства⁴⁴. Ж. Кардые вслед за Ж. Гурвичем допускает серьезную методологическую ошибку, когда отождествляет социальные нормы доклассового, родового строя с правовыми. Право и государство представляют собой результат раскола общества на враждебные классы. В этом общность их происхождения и классовой сущности. Однако это не исключает специфики появления правовых норм в отличие, например, от государственных учреждений.

Одна из особенностей современных буржуазных теорий заключается в том, что объектом критических выпадов против марксистско-ленинской теории является концепция взаимосвязи государства и права. По мнению известного английского этнографа Б. Малиновского, правовые нужды общества первичны по отношению к его политической организации, а основная задача политической власти, вызванной к жизни этими потребностями,— продвигать в жизнь юридические нормы. В одной из своих последних работ он писал: «Политический авторитет, как мы знаем, является необходимым даже на примитивных уровнях; мы считаем, что он юридически облечен властью устанавливать нормы, принимать решения и проводить их с использованием принудительных санкций»⁴⁵. А. Леви-Брюль утверждает, что главный недостаток марксизма якобы состоит в том, что он не признает существования права в любом обществе, и предлагает следующее определение права: «Право есть совокупность обязательных правил, детерминирующих социальные отношения и навязываемых группой, к которой индивид принадлежит»⁴⁶. Это определение отрицает классовый характер права, отсюда вся путаница, связанная с констатацией наличия права на тех ступенях развития первобытного общества, когда оно не могло еще существовать.

Буржуазные социологи порой ощущают несоответствие своих позиций этнографическим и историческим материалам. В связи с этим следует отметить тенденцию к пересмотру некоторых традиционных для буржуазной науки взглядов на происхождение политической власти и права, намечившиеся совсем недавно.

Р. Пэнто и М. Гравитц считают необоснованной точку зрения, согласно которой юридические нормы существуют в самых древних человеческих обществах⁴⁷. Они связывают возникновение права с началом дифференциации между нормами религиозными, моральными и техническими, однако отрицают главную причину возникновения права, состоящую в разделении общества на классы⁴⁸, и рассматривают возникновение права как результат усложнения процессов общественной жизни.

Среди новых теорий обращает на себя внимание концепция французского социолога Г. Бутуля, который считает решение проблемы происхождения и функционирования политических институтов одной из важнейших задач политической науки. В своей работе «Социология политики» он объединил под рубрикой микрополитических организаций

⁴⁴ J. L. Cardies, *Le dépérissement du droit et la disparition de l'Homo Juridicus*, «Les études philosophiques», 1965, № 2, p. 174.

⁴⁵ B. Malinowski, *Freedom and civilization*, N. Y., 1944, p. 248.

⁴⁶ H. Lévy-Bruhl, *Sociologie du droit*, Paris, 1967, p. 21—22.

⁴⁷ R. Pinto, M. Grawitz, *Méthodes des sciences sociales*, Paris, 1967, p. 2—3.

⁴⁸ Там же, стр. 74—77.

племена, малые античные государства, корпорации, профсоюзы, касты, партии и т. д. Эклектичность такой позиции очевидна. Г. Бутуль считает, что исследование примитивных форм племенной организации поможет определить функции современного государства⁴⁹. Вождь племени, по его мнению, выполняет две задачи: во-первых, надзор за соблюдением традиций, обеспечение общественного порядка и осуществление правосудия; во-вторых, использование прибавочного продукта для организации общественных праздников, игр, военных экспедиций. Вторая функция, как утверждает Г. Бутуль, получает развитие в экономической функции современного государства.

Такого рода аналогии не облегчают, а затрудняют изучение экономической политики современного государства, ведут к утрате исторической дистанции и в конечном счете камуфлируют классовую природу современного буржуазного государства.

Сказанное отнюдь не противоречит утверждению, что исследование характера власти при племенной организации способствует познанию природы власти в обществе. Необходимо, однако, рассматривать каждый тип общественной власти с учетом исторических условий его возникновения и своеобразия.

Резюмируя критический очерк буржуазных теорий генезиса политической власти, следует подчеркнуть, что среди них оформились два направления. С одной стороны, выделяются концепции, авторы которых отвергают применимость понятий исторического материализма к анализу первобытнообщинного строя. С другой — существует попытка экстраполировать категории, применяемые только к классовому обществу (понятие политической власти, права, политики), на первобытную, бесклассовую историю человечества. В. И. Ленин называл самой характерной чертой буржуазных ученых стремление «принимать категории буржуазного режима за вечные и естественные»⁵⁰.

Разнообразие концепций, выдвигаемых в рамках обоих рассмотренных методологических подходов, свидетельствует о том, что буржуазная наука до сих пор не нашла адекватного историческому процессу решения проблемы генезиса политической власти, переживает глубокий кризис, заостряет и модернизирует антимарксистскую направленность своих схем становления и развития человечества.

⁴⁹ G. Bouthoul, *Sociologie de la politique*, Paris, 1965, p. 25.

⁵⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 222.